

Какаши почти видел, как Генма закатывает глаза, когда тот выхватывает кунай и набрасывается на горло. Или, по крайней мере, попытался это сделать. Тело Генмы напряглось, кунай выпал из его руки, глаза Райдо закатились, и он рухнул на землю.

Что ж. Это было интересно. Какаши в третий раз открыл глаз Обито.

Гендзюцу Какеру повалил брата на землю и зарычал на него. "Ты, гребаный подонок, я заставлю тебя заплатить за это. За моего брата". Какаши наклонил голову, и глаза Обито почти лениво закрутились, когда он отпустил гендзюцу. Уровень чакры опустился ещё ниже, и он почувствовал ледяное жжение в ногах, что означало, что осталось совсем немного, прежде чем он исчерпает свой резерв.

Какеру плел иллюзии голосом - что ж, это раздражало. Гендзюцу дальнего действия на основе звука. Теперь это была битва на выносливость - сколько ещё времени Какеру будет пытаться отвлечь его, и сколько ещё иллюзий Какаши сможет развеять с помощью Шарингана, пытаясь убить его. Шансы ему не очень-то нравились. Больше никаких ниндзюцу. Остались ниндзято, тринадцать кунаев, пятнадцать сюрикенов и дымовые шашки, которые он не мог позволить себе использовать, если не хотел поддерживать визуальный контакт.

"Ты не... как ты его узнал?" Еще одна. Какаши рассеял его очередным всплеском чакры и приблизился к цели, обнажив ниндзято. Быстрый шаг и...

Черт, как же он был быстр. Какаши оскалил зубы, с его клинка капала кровь. Он успел поцарапать щеку Какеру. Они долго кружили друг вокруг друга, прежде чем снова столкнулись, сталь звякнула о сталь. Быстрый поворот, и Какаши послал в полет свой последний оставшийся кунай, от которого Какеру легко увернулся.

"Не думал, что АНБУ Конохи такие разочаровывающие бойцы", - жестоко улыбнулся он, и в лунном свете блеснули его точеные зубы. Какаши проигнорировал его и бросился вперед, отбивая яростные удары и попадая прямо в объятия Генмы.

"Как..."

Генма с ворчанием вытащил из руки кунай и приставил его к шее Какаши. "Гончая никогда не промахивается", - мрачно сказал он.

Какаши был достаточно близко, чтобы видеть, как пульсирует артерия в горле пропавшего нина, как тонкая струйка пота пропитывает его грязные бинты. Он неуверенно отпрянул назад и закрыл Обито глаз, не обращая внимания на головокружительный прилив боли, когда мир смялся и потемнел. Чакра гудела в его голове, вспыхивая и взрываясь гневными огненными искрами. "Убей его", - хрипло сказал он.

"Рад..."

Рука Какеру вырвалась и схватила Какаши за запястье. Всё вокруг взорвалось.

"Пожалуйста", - рыдала Рин. "Пожалуйста, Какаши. Ты должен убить меня".

Кровь запеклась в его руках, сердце Рин билось и пульсировало в его руке, и Обито никогда не простит его, он убил ее, он убил Рин...

Отец поднял на него темные глаза, такие пустые и холодные, и Какаши отвернулся, назвав его предателем, позором, разочарованием для деревни. "Отец опустился на пол, тавто глубоко вонзилось ему в живот, а с рук Какаши капала кровь. Мертв, от руки Какаши. Мертв, мертв, он убил своего отца...

"Обещай мне, Какаши", - Обито смотрел на него с полуулыбкой, вторая половина была погребена под двумя тоннами обломков. "Обещай, что защитишь Рин и деревню". И Какаши кивнул, пообещал, а потом ударил сжатым кулаком в грудь Рин с глазом Обито...

"Ты ведь позаботишься о Наруто, Какаши-кун?" Конечно, конечно, он позаботится, Наруто был ребенком сенсея, конечно, он должен был заботиться о нем. И Какаши кивнул, пообещал, а потом выкинул его и стал наблюдать, как вся деревня ненавидит маленького Наруто, как вся деревня сторонится и презирает сына сенсея, сына Кушины-сан...

"Ты... ты не можешь причинить вред... детям..." И Какаши пошел и перерезал горло трем женщинам, двум девочкам, одному малышу и младенцу, такому хрупкому, пахнущему порошком и молоком. Он убил их, а потом запечатал их холодные тела в свитки, чтобы их можно было повесить на каменную стену, а глаза выклевать воронам.

Какаши смотрел на свои кроваво-красные руки, такие яркие и скользкие, чувствовал запах смерти на своей коже, сочившийся из каждой поры. Машина для убийства, инструмент, убивший всех своих друзей, позволивший им умереть и...

Крепкая рука схватила его за плечо и притянула ближе, и Какаши напрягся. "Иди сюда", - позвал голос, и Какаши безропотно повиновался. "Открой глаза".

Он прикоснулся к своему лицу - он и не подозревал, что они закрыты. Неуверенными пальцами он прикрыл левую сторону и открыл правую. "И второй тоже". Нежная рука отдернула его руку от лица, и Какаши моргнул.

Он стоял перед мемориалом.

Он снова моргнул и потрогал свое лицо. Ни маски, ни шрама, ни...

"Глаз Обито", - резко вдохнул он.

"Ну, это ведь не совсем наше?" Какаши резко повернулся на голос и попятился назад, дезориентированный. Это было не отражение, не фигура на плоской поверхности, каждое его движение - копия. Это был... это был он, что-то вроде него. Клон. Небрежный, в бронежилете, с длинными волосами и вороньими ногами.

"Йоу", - сказал Хатаке Какаши.

Какаши сложил дрожащие пальцы в печать и запустил чакру, ища хрупкую связь между клоном и собой. Но таковой не было. "Рассеивайся", - прорычал он. Клон, к своему раздражению, этого не сделал.

"Это как-то невежливо", - осуждающе сказал Другой Какаши, ссутулившись и засунув руки в карман.

"Это что, какое-то гендзюцу..." Какаши снова запустил свою чакру, но не почувствовал, как она запуталась в потоке чакры. Он сжал паутину между большим и безымянным пальцами, но мемори оставалось неизменным, как и клон-не-клон.

"Что ж, - сказал Другой Какаши. "Я думаю, он начинал как один".

"Какеру", - прорычал Какаши, нахмурившись при воспоминании о Рине, Обито и Сенсее.

"Да, Какеру", - согласился Другой Какаши. "Ну, когда я думал, что умер, я думал, что увижу Рин, Обито и всех остальных. Это должно быть адом?"

"Что?"

"Ад. Может, и так", - задумчиво потирая подбородок, размышлял Второй Какаши. "Я всегда больше всего ненавидел себя. Может, я обречен провести остаток своей загробной жизни с самим собой?"

Какаши принялся: без маски запахи были яснее и отчетливее, и Другой пах - правильно и неправильно. Как он и не он. И грустью. Это, по крайней мере, было знакомо.

"Кто ты?" - настороженно спросил он, переместив свой вес, чтобы принять стойку тайдзюцу.

"Я - это ты", - ответил Другой. "Я думал, это очевидно".

Какаши сузил глаза и сменил тему. "Сколько тебе лет?" - осторожно спросил он.

"А." Другой выглядел неловко, слегка сгорбившись - Какаши с презрением смотрел на все те

признаки, которые Другой демонстрировал. "Ну. Я. Тридцать."

Какаши отшатнулся. Тридцать. "Я доживу до тридцати?" - пробурчал он.

"Ну, да", - сказал Другой. "Но едва-едва. Вроде того. Не знаю. Может, это у меня гендзюцу?"

"Что-то ты не убежден", - сказал Какаши и прислонился спиной к дереву, которое неожиданно и удобно появилось в тот момент, когда он подумал, что неплохо было бы прислониться к нему. На мгновение он недоверчиво посмотрел на него.

"Ну, - смущенно сказал Другой, на его щеках появился слабый оттенок красноты. "Мои последние воспоминания о том, как я по глупости пожертвовал своей жизнью ради чужой в великой и трагической битве".

"АНБУ, верно?" устало спросил Какаши. АНБУ до самой смерти - неплохо, но он не мог представить себе еще десятилетие убийств, не желая задохнуться.

"Нет", - тихо ответил Другой. "Все очень сложно, но на деревню напали и угрожают безопасности одного из моих товарищей по команде. Поэтому я его спасаю".

"Не АНБУ?" Не Генма, не Райдо, не Тензоу...

"Я ушел", - сказал Другой. "Очень, очень давно".

"Уволился", - повторил Какаши. Жизнь без АНБУ - он едва мог себе это представить. Жизнь вне специального жилья, вне штаба, вне постоянных миссий и убийств и пребывания в больнице, глядя на испорченный водой кафель.

"Сколько тебе лет?" требовательно спросил Другой, раскачиваясь на пятках.

"Двадцать", - ответил Какаши.

"Ах", - сказал Другой.

Наступило долгое, долгое молчание.

"А?" наконец спросил Какаши, не в силах больше терпеть. Несмотря на то, что это было какое-то хитроумное гендзюцу, Другой был слишком интересен, чтобы не поинтересоваться.

"Думаю, я хотел бы присесть", - объявил Другой и устроился в удобном кресле. Он взмахнул рукой, и перед ним появилось такое же кресло. "Не желаете присоединиться ко мне?"

Какаши пожал плечами и отошел от дерева к креслу, намеренно не обращая внимания на то, как оно исчезает при его движении.

"Итак, вот моя теория", - сказал Другой, откинувшись в кресле и закрыв глаза. Шрам по-прежнему был на месте. Какashi незаметно потрогал свой и обнаружил зазубренный шрам, рассекающий левый глаз, - твердое напоминание о том, что было-было. Это было тихое облегчение.

<http://tl.rulate.ru/book/101266/3491931>